

«КРАЙ ПУСТЫННЫЙ, БЕЛЫЙ И ОТКРЫТЫЙ...»

200 лет назад, 24 декабря, в России родился Адам Мицкевич

Нина Молева

О СХЕМЕ его жизни исследователи — со времени появления первых биографических эссе и вплоть до наших дней — не спорили. Детство и начало поэтического пути — Литва, вдохновившая первые сборники стихов, «Гражину», начало (законченных, впрочем, много позже) «Дзядов». Конец — Франция, поэтическая и политическая слава, и нелепая гибель от холеры в Константинополе, куда привела надежда сразиться за свободу — наконец-то! — с оружием в руках. А между — русская ссылка. Пять лет мечты и борьбы за собственное освобождение. Слов нет, за пять лет могло случиться немало и плохого и хорошего, но суть не менялась: ссылка. Неволья. Насилие над личностью, творчеством, каждым поступком. Никакая дружба не могла здесь быть долгой, ни одно движение сердца — глубоким... Так ли?

24 октября 1824 года... Первый день ссылки Мицкевича в Петербурге — первый день после страшного наводнения. Разнесенные по бревнышку жалкие лагуны. Бурные кровли. Всплывшая утварь. Погибающие животные. Вереницы погребальных дрог. И гробы. Гробы, вымытые водой из кладбищенской земли. Будущий пушкинский «Медный всадник» возникнет во многом под впечатлением рассказов польского поэта.

Апокалипсис примиряющий. То, что представлялось могучей и безжалостной державой, оборачивалось тем людским горем, перед которым не бывает границ — национальных, религиозных... И почти сразу — встреча с тем, что непонятным для петербуржцев образом предсказал день и час разгула стихии: с Юзефом Олешкевичем. Талантливым живописцем, рисовальщиком, бравшим первые уроки искусства в Вильно и закончившим их в мастерской прославленного Давида в Париже. Это Олешкевич открывает для поэта «северную Венецию», «околдовывает его» петербургской красотой, вводит в петербургские салоны. И знакомит с Пестелем, Бестужевым-Марлинским, Рылевым. Ссылный гимназический учитель предстает их доверенным другом, ими оцененным поэтом.

Россия находилась в преддверии событий на Сенатской площади. Ждала минуты для решительного шага. Мицкевич относился к числу тех, ко свой шаг уже сделал — и еще полностью не расплатился за него. После семи месяцев заключения в волгойской камере-келье одного из Виленских монастырей ему предстояло дожидаться определения места и срока будущей ссылки. Он был уже героем и мог стать мучеником.

Русскую ссылку Мицкевича предваряют строки Евгения Баратынского: «Когда тебя, Мицкевич вдохновенный, / Я нахожу у Байроновых ног, / Я говорю: «Поклонник униженный, / Восстань, восстань и помни — / Сам ты Бог».

Пройдут считанные годы. Не станет Пушкина — известие, потрясшее польского поэта. Среди посвященных этому горю стихов окажутся и такие, за которые имя автора, доброго пушкинского знакомого, поэта Александра Креницына, III Отделение предпишет вычеркнуть из российской словесности: «Рабы! Его святую тень / Не возмущайте укоризной: / Он вам готовил светлый день, / Он жил свободой и отчиной... / Высоких мыслей властелин, / Мицкевичу в полете равен, / И как по-

эт, и гражданин, / Он был равно велик и славен...» Масштаб чувств и действий гимназического учителя или, как он сам себя называл, «безвестного пришельца», оставался для России образцовым.

Детство в крохотном сельце под Новогрудком, на самой границе Минской губернии. Со своими четырьмя с половиной тысячами жителей Новогрудок казался почти огромным городом, особенно если прибавить к сотне жилых домов развалины древнего замка, еще более древнюю православную Борисоглебскую церковь и вечные споры об основателе: Владимир Святой, креститель Руси, или Ярослав Мудрый?

Для отца, с великим трудом зарабатывавшего на пропитание шести детей, ведшего полукрестьянский, полугородской образ жизни, единственной надеждой на будущее сыновей оставалось их образование, которое он мечтал, но так и не успел им дать. Мицкевич осиротел пятнадцати лет, и только случай позволил ему оказаться в Виленском университете — причем лишь после того, как им было подписано обязательство по окончании курса стать школьным учителем.

Ни редкие успехи в занятиях, ни первые стихи не могли этого будущего изменить. Мицкевич получил назначение на службу в Ковно. В чем-то это было удачей. Слишком хорошо помнилось, с каким трудом удалось когда-то собрать матери последние гроши на поездку в университет и как год за годом по той же причине приходилось отказываться от каникул в родном доме. Но четыре года в глухом провинциальном городке... Без друзей... Без литературной среды... Без политических собраний и споров... После окончания наполеоновской кампании, тем более после потери Польшей целостности и независимости особенно невыносимыми были условия, предлагаемые самодержавием.

Слышавший «железной рукой» будущий граф Новосильцев именем наместника Царства Польского выискивал участников студенческих обществ. Мицкевич уже вышел из университетских стен, но спасло его не это, а упорное молчание товарищей. Они слишком высоко ценили его как поэта и личность: его имени не назвал никто. Всю вину поставил на себя друг Мицкевича — Томаш Зан.

Выход был найден: срочная отправка подозрительного учителя в Петербург за назначением «по народному образованию в отдаленные местности».

После тихих сонных литовских городков впечатление от северной столицы было ошеломляющим: «Край пустынный, белый и открытый...» Ощущение его фантастических размеров, а в нем — заброшенности и трагизма каждой отдельной человеческой судьбы Мицкевич сохранил до конца своей жизни. О Петре Первом как символе самодержавия:

Во глубь песков зыбучих,

в топи блат,

Вогнать сто тысяч колев

приказал он;

Потом сто тысяч тел людских

втотпал он;

Потом на колях и телах солдат

Грунт заложив, иное поколене

Запряг в телеги, в тачки,

в корабли,

Чтобы с пучин морских,

со всей земли,

Свозить и тес и бревна

и каменя...

Когда во время одного из застолий будет поднят тост «смерть царю!», Мицкевич откажется к нему присоединиться, сочтя эти слова пустым бахвальством. Откуда поэту было знать, что от событий на Сенатской площади их отделяют считанные месяцы?

За годом Мицкевича — год Пушкина. Мемориальная доска, посвященная встрече поэтов, на доме в Глинцевском переулке в Москве. Скульптор И. Мильбергер.

Три месяца в Петербурге — и хлопотами новых друзей Мицкевич избегает принудительного назначения места ссылки. Наоборот, им удается выполнить достаточно неожиданное желание поэта оказаться на юге, в Одессе.

Его ждут здесь, и ждут нетерпеливо — слухи о новом и редком таланте доходят сюда на редкость быстро. К тому же, как будет вспоминать со временем П. Вяземский, «все в Мицкевиче возбуждало и привлекало сочувствие к нему. Он был очень умен, благовоспитан, одушевителен в разговорах, обхождения утонченно-вежливого. Он был везде у места — и в кабинете ученого и писателя, и в салоне умной женщины, и за веселым приятельским обедом. Поэту, то есть степени и могуществу дарования его верили пока на слово и понаслышке, только весьма немногие знакомые с польским языком, могли оценить Мицкевича-поэта, но все оценили и полюбили Мицкевича-человека». Стоит вспомнить, что сам Вяземский владел разговорным польским и свободно писал на этом языке.

В своеобразной свите знаменитой красавицы Каролины Собаньской Мицкевичу удается совершить поездку по Крыму, что послужит рождению цикла «Крымских сонетов». Крым становится, по выражению современников, поэтической страной Мицкевича, миром, через природу которого он выражает свои чувства, настроения, весь романтический строй жизнеощущения. Здесь же открывается у поэта и удивительный дар поэтической импровизации.

Трудно пока с полной достоверностью сказать, прямые ли факты или интуиция подсказали Мицкевичу осторожность с Собаньской, бывшей в довольно странном положении. Давно разойдясь с мужем, она почти открыто была подругой генерал-лейтенанта графа И. Витта, организатора тайной

слежки за декабристами и Пушкиным на юге. Знала или не знала она о неблагоприятной роли графа? Мицкевич все равно поторопился отойти от нее и уехать — на этот раз на Север и снова благодаря дружеской поддержке новых знакомых — в Москву.

К счастью, именно в Москву: шел декабрь 1825 года. Начавшееся следствие и последующие приговоры по делу декабристов потрясли поэта:

Где вы теперь?

Посылаю позор

и проклятья

Народам, предавшим пророков

своих избиенью...

Рылеев, которого братски

я принял в объятья,

Жестокою казнью казнен

по цареву веленью,

Бестужев, который, как друг,

мне протягивал руку,

Тот воин, которому жребий

поэта дарован,

В сибирский рудник,

обреченный на долгую муку,

С полянами вместе,

он сослан и к тачке прикован.

В Москву Мицкевич приезжает, чтобы достичь вершины своей славы. Он становится завсегдатаем и украшением лучших литературных салонов старой столицы. Тесная дружба возникает у него с Василием Львовичем Пушкиным и с Вяземским. Его блистательные импровизации звучат у Зинаиды Волконской, у Елагиных, Римских-Корсаковых, Шевырева. В середине октября 1826 года он знакомится с Пушкиным, который, по свидетельству современников, «оказывал ему величайшее уважение». А 10 ноября в жизни Мицкевича происходит событие, которое могло изменить всю его судьбу. Могло бы...

В помянутых литературных салонах всеобщее внимание признанных поэтов привлекают талант, красота и редкое остроумие девятнадцатилетней Каролины Яниш, дочери профессора Мос-

ковского университета. Увлечение Мицкевича юной поэтессой переходит в глубокое чувство, и в памятный для обоих ноябрьский вечер он делает Каролине предложение. Моя Малярка (художница) — будет называть девушку поэт: она и в самом деле хорошо рисовала. «Малярка» войдет в его стихи и письма.

Против неожиданного возможного зятя восстает профессор Яниш — прежде всего потому, что на подобный брак не дает согласия очень богатый брат профессора, от которого во многом зависело благосостояние семьи и с которым сопрягались надежды на завидное наследство. Брак же без их согласия грозит Мицкевичу ссылкой.

В конце 1827 года отчаявшийся Мицкевич получает возможность уехать в Петербург. У него остается единственный выход — отъезд из России, если друзьям удастся достать ему заграничный паспорт. Друзья уверены: удастся.

«Наш прославленный Мицкевич» — его теперь не называют иначе. Его петербургская жизнь — сплошной калейдоскоп встреч. По одному только апрелю-маю 1828 года можно судить, как тесно Мицкевич сходитесь с Пушкиным, не говоря о множестве иных знакомых.

30 апреля Мицкевич у Пушкина в гостинице Демута «долго и с жаром говорил о любви, которая некогда должна связать народы между собою». 11 мая они вместе в гостях у А.А. Перовского, 12 мая — у поэта-крестьянина из крепостных Федора Слепушкина, которому Пушкин помог только что избавиться от крепостной зависимости. 16 мая у Лавалей Мицкевич слушает чтение Пушкиным «Бориса Годунова». Спустя четыре дня оба поэта направляются к Олениным в Приютино, а 25 мая едут в Кронштадт. 26-го Пушкин, конечно же, присутствует на обеде, который дает Мицкевич для московских и петербургских литераторов в ресторане «Вокзал» в Екатерингофе.

Получив заграничный паспорт — что само по себе было чудом в отношении политического ссылки, — Мицкевич неожиданно для всех, явно рискуя, едет в Москву. Предлог — проститься с друзьями. Главная причина — желание увидеть еще раз Каролину, оставить ей строки:

Когда пролетных птиц

несут вереницы

От зимних бурь и вьюг

и стонут в тишине,

Не осуждай их, друг!

Весной вернутся птицы

Знакомым им путем

к желанной стороне,

Но, слыша голос их печальный,

вспомни друга!

Едва надежда вновь

блестнет моей судьбе,

На крыльях радости

примчусь я быстро с юга

Опять на север, вновь к тебе!

15 мая 1829 года на набережной Невы друзья прощаются с отплывающим поэтом: «Он стоял на палубе парохода и махал провожающим платком. Заходящее солнце озаряло его стройную фигуру, закутанную в плащ, казавшийся медно-красным». Впереди были свобода, шумная поэтическая слава, дружба. И любовь.

Через много лет Каролина Яниш станет знаменитой поэтессой Каролиной Павловой, едва ли не первой переводчицей поэзии Мицкевича на французский язык. И — автором написанных в 1842 году строк:

Не таковы расстались мы

с тобою!

Расстались мы —

ты помнишь ли, поэт?

А счастья дар предлоген

был судьбою;

Да, может быть,

а может быть — и нет.

Итак, вопрос: русская ссылка — или 31 год в России, первая и едва ли не лучшая половина жизни великого поэта?

Нина Михайловна Молева — доктор исторических наук, кандидат искусствоведения, писатель.